

в восприятии современной ему действительности, оригинальность в постановке вопросов, подлежащих рассмотрению, и способ аргументации, к которому прибегает непривычный к высокой схоластике юрисконсульт Гусанус, *придает его труду значение неповторимого документа эпохи*. В таком документе равно важно абсолютно все: и неравномерность в освещении отдельных вопросов, и недомолвки, и пропуски, не говоря уже о сути того, что сказано. Именно совокупность этих черт создает представление об определенной исторической фазе в процессе становления крепостного права «второго издания».

Наконец, о характере аргументации, к которой прибегает Гусанус для развития и подкрепления своих суждений. Поскольку, как уже отмечалось, он не создавал ни отвлеченной системы действующего права, ни практического руководства для нужд судебного обихода, постольку принятый в трактате способ аргументации отличается большей свободой. Разумеется, ссылки на юридические авторитеты преобладают (иногда даже создается впечатление, что частота и число «авторитетов», приводимых по отдельным вопросам, все еще довели над соображениями содержательного порядка).

Однако Гусанус не менее охотно прибегает к историческим преданиям и античной мудрости, почерпнутой у философов и поэтов. Согласимся, что чередование ссылок на «Институции» Гая и стихи Горация, суждений знаменитых глоссаторов римского права Бальдуса и Бартолюса и речений, заимствованных из «Энеиды», не часто встретишь в юридическом трактате ни в более раннюю, ни в более позднюю эпоху. Очевидно, что Возрождение в области юриспруденции, с одной стороны, весьма основательно расправилось с канонами схоластики и, с другой, — не успело выработать элементарно строгого стиля новой, индуктивной науки. Отсюда и наступившее в интересующей нас области временное смещение элементов и того и другого методов.

Между тем именно в эту пору общего снижения формальных требований к научному построению в интересующей нас области¹⁶, в эту святая святых ворвалась сама жизнь в облике близкой к публицистике речевой манеры тайных и явных советников, отражавших в своей показной холодности и рассудительности кипение страстей, которым был столь щедро отмечен XVI в. Всеми этими особенностями трактат Гусануса — временами до полной неразличимости — напоминает трактат Бонакоссy¹⁷. И если уж искать между ними различий, то только в одном направлении это занятие сохраняет смысл: в оценке роли христианской традиции в системе аргументации. Бонакоссy, как мы видели, почти полностью от нее отказался. Возрождение для него обернулось язычеством. В отличие от него Гусанус дышал

¹⁶ Столь же поучительна в этом смысле параллель между трактатом английского юриста XV в. Литтлтона и трактатом его соотечественника юриста XIII в. Брактона.

¹⁷ Возрождение, как и схоластика, — интеллектуальное течение подлинно общеевропейского характера (воздержимся пока от дальнейшего распространения его пределов). Однако с одним важным отличием: схоластика объединяла этнос до полной безликости, Возрождение объединяло народы, сохраняя их неповторимый, индивидуальный облик.